ЕСЕНИНСКОЙ ТРОПОЙ

БЫЛО ТАКОЕ ВРЕМЯ, когда я, помню, был больше наслышан о Есенине, чем собственно знал о нем. И добро бы, только я один. Тогдашнее литературоведение тоже было не без греха. Больше скажу — не без перекоса даже. Есенин — «крестьянствующий анархист», Есенин — «стихия» — вот вкратце суть всех тех скособоченных суждений о нем, о его творчестве. Сбивал с толку и перепад в оценках: то, что было важным, — упрощалось, то, что было мелким, штриховым, — многожды подчеркивалось и возводилось чуть ли не в сенсацию. Особенно это касалось личности поэта, его гражданского и творческого поведения. Так было, что греха таить. Но сердце читателя — ведун! Его не обманешь. Чувствуя лукавинку и обходя неправду, оно, любя Есенина и веря его живому слову, слову-нерву, слову-корешку, как бы само искало истину.

И тогда я впервые встретился с Прокушевым. Не лично с ним — личная встреча произошла много позже, — а с его работой о Есенине, опубликованной в альманахе «Литературная Рязань» за 1955 год. Встретился и сразу же после прочтения отметил про себя: наконец-то о Есенине сказано похоже на Есенина. И не от какой-то там общей, умозрительной концепции сказано, а непосредственно — живо и свежо. А главное, убедительно. Сказано от факта, от нерва, от слова с корешком. Налицо исследование не только мыслью, но и сердцем. И как результат — новая точка зрения, резко отличная от той, с которой одно время Есенин рассмат-

ривался лишь как изыяной, крестьянский поэт, противопоставляющий себя городу и городской культуре вообще и нетвердо сопутствующий революции в частности. Суть же прокушевской точки зрения была совершенно иной. Есенин — утверждал и утверждает Прокушев — не просто рязанско-деревенский, а воистину великий, всенародно-русский, советский поэт. И не только остро чувствующий, взрывчатый и нежный поэт-лирик, но и глубоко мыслящий поэт-эпик, государственный в сущности поэт. Кстати, это хорошо понимал Сергей Миронович Киров. Для него это был поэт-патриот, естественно образованный, начитанный человек, а не протак-самоучка, поэт-историк, поэт-драматург...

Об этом писал и Прокушев. И не только писал, но и — частенько приходилось — боролся за это. Что, собственно, и снискало к нему глубокое уважение.

Но как бы там Прокушев ни любил Есенина, речь все-таки не всегда о нем только. Есть речь и о Маяковском, есть речь и о Блоке. Причем речь не графярная, с изложением мало подвижных мест и общих положений, а так, как и о Есенине — с чувством нерва и корешка в слове, с чувством единого ствола нашей большой советской поэзии. Разностью лишь подчеркивалась общность. И прежде всего общность в служении революции, в служении ее знамени, ее благородным идеалам. Общность в гражданском темпераменте, общность в живом, разговорном народном языке. Особенно это прослеживается Про-

кушевым в творчестве Маяковского и Есенина. То же самое, но, правда, в меньшей степени, может быть, находит он в творчестве Блока, в его знаменитой поэме «Двенадцать». Словом, цель Прокушева, как исследователя, состоит в том, чтобы по возможности больше объединять, а не разъединять. И надо сказать, что он успешно достиг этой цели и в этом достаточно крепко утвердился. И не только утвердился, но и в новых своих статьях перенес это на современную поэзию — поэзию Смелякова, Васильева, Мартынова, Федорова, Шесталова... Причем выбор его, как видите, прямо скажем, довольно-таки шепетилен, если не строг. Никакой всеядности, никакой расплывчатости. Все тут, как говорится, в соответствии с характером, с устоявшимся взглядом на литературу. Но при всем при том собственное творчество — это лишь одна сторона общей его жизнедеятельности. Богатая, емкая сторона. И все-таки, что ни говори — одна. А ведь есть у него и другие. И довольно значительные. И не в последнюю очередь издательская.

Прокушев — человек живого дела живой мысли, живого чувства. И всегда обязательный и в слове, и в деле. И всегда ровный, внимательный в обращении. А это в свою очередь не могло не вызывать встречных симпатий к нему. Так он работал и работает. И в свои шестьдесят он такой! Пожелаем же ему жить и работать так, и только так, и мыслью, и сердцем.